

Инь Шоу уловил искры, летевшие между Дацзи и Шэнь Гунбао. Слегка кашлянув, он прервал их безмолвную дуэль:

— Государственный наставник, вы намерены лично отправиться на передовую? Когда выступаете?

— Завтра, — лаконично отозвался Шэнь Гунбао.

— В таком случае, полагаюсь на вас. — Инь Шоу смотрел на него, и в его взгляде читалось явное нежелание отпускать собеседника. — Ожидаю здесь добрых вестей.

Шэнь Гунбао кивнул. Дацзи, недовольная тем, что внимание государя намертво прикипело к Наставнику, капризно протянула:

— Великий Ван...

Инь Шоу с явным усилием повернул голову к ней:

— Что такое?

— Раз уж дело передано Государственному наставнику, — мягко промурлыкала Дацзи, — Вану больше не о чем беспокоиться.

— Угу. — Инь Шоу снова развернулся к Шэнь Гунбао.

Тот чувствовал на себе чересчур пылкий взгляд правителя и пребывал в полном недоумении. «Неужели у меня на лице что-то застряло? Чего он на меня так вытаращился?» — гадал он.

Заметив странное выражение лица Наставника, Инь Шоу спохватился и скромно отвел глаза.

— Наставник, не желаете ли остаться сегодня вечером? — предложил он. — Выпьем по чарке, проводим вас как следует.

Отказывать столь искреннему порыву Шэнь Гунбао счел неудобным.

— Хорошо, — согласился он, поддавшись обстоятельствам.

Этот жест ещё больше разозлил Дацзи. Она давно считала Чжоу-вана своей законной добычей и привыкла держать его на коротком поводке. Теперь же это чувство ускользающей власти приводило её в бешенство. Что происходит? Всего за одну ночь Ван изменился до неузнаваемости. Вчера он души в ней не чаял, а сегодня обдал холодом? Дацзи не сводила с

него глаз, пытаюсь уловить на его лице хоть малейший признак того, что пошло не так.

Инь Шоу приказал подавать вино и закуски. Если бы не условности отношений правителя и подданного, он с радостью посидел бы с Шэнь Гунбао как с другом — пить под луной и болтать о всяком.

Пир перенесли во внутренний зал. Инь Шоу восседал на троне, Дацзи пристроилась рядом, а Шэнь Гунбао занял почетное место чуть ниже. В огромном, пустом зале втроем было как-то неприятно.

Инь Шоу, глядя на лицо Шэнь Гунбао, осушил несколько чарок подряд. В своей прошлой жизни, в двадцать первом веке, он был пай-мальчиком и почти не пил, но сейчас... будущее виделось туманным, а на душе скребли кошки. Что стало с ним там? Умер он или лежит человеком-растением на больничной койке? Никаких ответов. Он очутился здесь по какой-то нелепой прихоти небес, и противиться судьбе не мог. Искать путь назад — всё равно что ловить ветер в поле. Оставалось только плыть по течению.

Появление Шэнь Гунбао стало для него тонким лучом света. Он подумал, что если уж застрял здесь, то видеть это лицо каждый день — не такая уж плохая перспектива. Разве в книжках про попаданцев не так? Обязательно в кого-то влюбляешься, проходишь через испытания... Если это будет Шэнь Гунбао... Если он... Инь Шоу почувствовал, что влюбился с первого взгляда. Или просто слишком быстро захмелел.

— Великий Ван... — Дацзи, сидевшая вплотную к нему, подложила ему в тарелку закуски. — Не пейте на пустой желудок, так и захмелеть недолго.

Инь Шоу безучастно кивнул и отправил в рот кусочек чего-то съестного. Образ Шэнь Гунбао перед глазами начал расплываться. Вскоре непривычный к выпивке правитель окончательно сдался — он уронил голову на стол и заснул.

Шэнь Гунбао подошёл поближе, вглядываясь в спящее лицо, а затем перевёл взгляд на Дацзи.

— Великий Ван сегодня сам не свой. Слишком... тихий. Что случилось?

— Откуда мне знать? — Дацзи с неприязнью покосилась на него. — Он сегодня только на тебя и пялился. Не ты ли наложил на него какое-нибудь демоническое заклятие, а?

Шэнь Гунбао лишь усмехнулся:

— Думаешь, все кругом только и мечтают кого-то соблазнить, как вы?

— Не ты, так и славно, — холодно отбрила Дацзи. — Ван велел тебе остановить Цзян Цзя, но не принимай это слишком близко к сердцу. Сама богиня Нюйва пожелала падения этой

династии. Неужели ты думаешь, что сможешь ей помешать?

Шэнь Гунбао легко взмахнул веером. С невозмутимым видом он стоял на ступенях возвышения, глядя на неё сверху вниз.

— Когда я не мог помешать Цзян Цзя, у тебя были претензии. Теперь ты велишь мне не стараться. Чего же ты хочешь на самом деле, Ниннян? Сказать по правде, вы выглядите... несколько раздосадованной.

Дацзи фыркнула:

— Не твоего ума дело. Свободен.

Шэнь Гунбао не слишком-то уважал эту лисицу, но чин есть чин — порой её надменность не оставляла ему выбора, кроме как уступить.

— В таком случае, я удаляюсь.

Дацзи с облегчением проводила его взглядом. Она снова повернулась к Вану. Тот крепко спал. Она коснулась пальцами его щеки. С виду — всё тот же человек, но ощущение было совсем иным. словно он внезапно переродился. Ей и в голову не могло прийти, что в теле императора теперь живет чужая душа; она лишь подумала, что он внезапно опомнился и решил вернуться к своей прежней, суровой натуре.

Дацзи велела Э Лаю перенести государя в спальню. От Вана разило спиртным, и ложиться с ним в одну постель ей совсем не хотелось. Проводив их взглядом, она отправилась к себе.

Ночь прошла без происшествий.

Наутро Дацзи явилась ни свет ни заря, настойчиво упрашивая Вана отправиться на Лутай — развлечься. Она даже послала Фэй Ляня собрать всех коварных льстецов, с которыми они обычно кутили.

В пятнадцати ли к западу от Чаогэ, у восточного подножия гор Тайханшань, раскинулся Лутай.

В памяти прежнего Чжоу-вана это место было окутано дымкой неземного блаженства. Инь Шоу, увидев его впервые, тоже на миг замер в восхищении. Природа древности была великолепна: никакой копоти заводов, только кристальная чистота и покой. Величественный Лутай уходил шпилем в небеса на фоне бескрайних хребтов Тайханшань. Окутанная туманами, среди вековых лесов, башня казалась обителью небожителей, скрытой от мира.

Процессия была обставлена с невероятной помпой: породистые скакуны, Колесница Семи

Ароматов, толпа красавиц в свите. Величие императорской власти подавляло своей роскошью.

Остановившись у подножия Лутая, Инь Шоу увидел прозрачный пруд. Вода в нём была настолько чистой, что на душе у него сразу стало светлее. Было ещё рано. Вокруг дрожало марево утреннего тумана. В первых лучах солнца на траве, словно драгоценные камни, сверкали капли росы. Слышалось жужжание пчел, аромат диких цветов кружил голову, а звонкие трели птиц рассыпались в воздухе. Инь Шоу заворожено смотрел на эту картину, на миг забыв, кто он и где находится.

Но когда в сознании всплыло, что всё это великолепие воздвигнуто на костях народа, на их поте и крови, восторг сменился горечью.

— Великий Ван, давайте поднимемся, взглянем на всё поближе! — Дацзи обхватила его за руку, нежно потянув за собой.

Инь Шоу стряхнул оцепенение, кивнул и, увлекая за собой наложницу и свиту коварных льстецов, двинулся в обход пруда вверх по ступеням. На первой террасе их встретили изваяния священных зверей: дракона, феникса, черепахи и киля. Каменные существа выглядели как живые — замершие в вечном покое.

Архитектура Лутая поражала размахом. Громадное сооружение в форме пирамиды было разделено на ярусы: через каждые несколько десятков ступеней — широкая площадка. Поднявшись на третью террасу, они оказались перед величественным дворцом, чьи крыши вонзались в облака. Отсюда подножие башни было как на ладони, а вдали на востоке в дымке угадывались очертания столицы Чаогэ.

Инь Шоу чувствовал себя так, будто взобрался на настоящую гору — дыхание сбилось, в ногах появилась тяжесть. Он помнил из фильмов, что Лутай построили по прихоти Дацзи. Она твердила Вану, что это место обладает особой силой, и если возвести высокую башню, боги сойдут на землю. Глупый Чжоу-ван поверил и разорил страну, чтобы угодить любимице. После завершения строительства они часто пировали здесь с целой оравой лисиц-оборотней, которых Ван принимал за небожителей.

При мысли об оборотнях Инь Шоу невольно покосился на Дацзи.

Та в ответ лишь вопросительно вскинула брови.

В памяти императора всплывали картины буйных попок на этой высоте, но прежний Ван чувствовал лишь благоговение и страх, не смея усомниться в божественности своих гостей. Для него всё это было реальностью, и Инь Шоу не видел в тех воспоминаниях ничего подозрительного.

Слегка запыхавшаяся Дацзи взглянула на него:

— Ван, вы устали?

Инь Шоу осторожно высвободил свою руку из её объятий:

— Немного. Хорошо, что уже дошли.

Фэй Лянь тут же подскочил с подобострастной миной:

— Великий Ван, я сию минуту велю всё подготовить! Вы сможете отдохнуть в главном зале.

Инь Шоу кивнул, глядя, как тот припустил во весь дух. Обернувшись к расстилавшимся внизу землям, он подумал: «Пейзаж и впрямь царский. Прекрасное место, чтобы быть здесь похороненным». Владыки прошлого знали толк в роскоши — владеть миром при жизни и наслаждаться его красотой после смерти.

Коварные льстецы тем временем наперебой рассыпались в витиеватых похвалах открывающемуся виду. На душе у Инь Шоу было скверно. Красота гор радовала глаз, но осознание того, что за этим фасадом стоят реки слез, отравляло всякое удовольствие.

Немного полюбовавшись видом, он повёл свиту внутрь.

Зал ослеплял блеском золота и резной росписью. «Стены из белого нефрита, кони из чистого золота, жемчуг — как песок, золото — как железо» — вот так Чжоу-ван и пустил свою империю по ветру.

Вскоре подали вино и изысканные яства. Уставший от подъёма Инь Шоу устроился на почетном месте, поднёс чарку к губам и осушил её одним глотком. Крепкое вино обожгло горло, на миг притупив горечь в сердце. Другого способа забыться у него просто не было. Дацзи, пристроившаяся сбоку, видя его задумчивость, терялась в догадках.

— Почему Великий Ван такой хмурый? — решила спросить она.

— Ничего особенного, — быстро нашёлся с ответом Инь Шоу. — Просто тревожусь о Государственном наставнике. Сумеет ли он отбросить врага?

— Так вы о Наставнике печетесь? — Дацзи вспомнила того оборотня-леопарда и то, как жадно Ван на него смотрел. В её голосе прорезалось недовольство. — Великий Ван, отчего вы вчера так пристально на него глядели? Уж не приглянулся ли он вам?

«Даже если и приглянулся, тебе-то я точно не скажу», — подумал Инь Шоу.

— О чем ты, любовь моя? — изобразил он недоумение. — Наставник — мужчина. С чего бы мне на него заглядываться?

— А я уж было подумала, что Ван сменил пристрастия и теперь предпочитает мужей, — проворчала Дацзи. — Что ж, тем лучше. Терпеть не могу этого Наставника.

— Вот как... — Инь Шоу не нашелся, что ответить.

Сидевший чуть поодаль Ю Хунь, чей слух был острее бритвы, уловил слово «Наставник» и тут же подобострастно сложил руки в поклоне:

— Великий Ван! Государственный наставник доблестен и мудр. Он непременно сокрушит этого выскочку Цзян Цзыя и вернёт наши земли под вашу руку. Прошу вас, не тревожьтесь!

Остальные коварные льстецы тут же хором завторили ему. Инь Шоу окинул их взглядом. Мерзкие, скользкие типы. Видеть их лица было противно, но открыто выказывать неприязнь он не стал.

— Хотелось бы верить, — холодно бросил он и снова приложился к чарке.

— Я подготовил для Вана танцы и музыку, — встрял Ю Хунь. — Прошу вас, соблаговолите взглянуть.

Инь Шоу, разомлев от вина, сидел уже не так прямо, чуть ссутулившись. Новость о представлении не вызвала у него особых чувств. Заметив, что возражений нет, Ю Хунь взмахнул рукой, давая знак танцовщицам выйти на середину зала.

Покои наполнились тягучей, томной музыкой.

Инь Шоу уставился в пол, готовясь смотреть местный вариант «Голубого огонька». Развлечений в древности было кот наплакал, неудивительно, что цари только и делали, что смотрели на танцы.

Впрочем, движения девушек были и впрямь грациозны.

<http://bllate.org/book/17393/1650156>